

ОГОНЬ!

БОМБАРДИР ИЗ БУДУЩЕГО

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Пушкаръ

Юрий Корчевский

Огонь! Бомбардир из будущего

«Феникс»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

Огонь! Бомбардир из будущего / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2015 — (Пушкарь)

ISBN 978-5-222-42007-2

Взрывной фантастический боевик от автора бестселлера «Пли! Пушкарь из будущего»! Провалившись в XVII век, наш современник поступает на службу новому «богу войны», став бомбардиром Петра Великого. Он сбежит из шведского плена, заложив бомбу под королевский фрегат. Он вырвется из испанских застенков, взорвав пороховой арсенал. Он сметет пушечными залпами степных разбойников и отправится в первый Петровский поход, чтобы громить ядрами неприступные стены Азова. ОГОНЬ!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-42007-2

© Корчевский Ю. Г., 2015
© Феникс, 2015

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Корчевский

Огонь! Бомбардир из будущего

Глава 1

Побег

Поднявшись утром, решил собираться. Дело сделано, языка не знаю, пора и честь знать, собрал невеликие свои пожитки. Но напоследок хотелось встретиться с Филиппом. Попрошаться, конечно, ну и забрать вещи, которых в комнате я не находил – например, не было штуцера, мушкета, подаренной шпаги, одежды. Очень кстати, легок на помине, вошел Филипп в черном деловом сюртуке. Прямо с порога он воскликнул:

– Я так и знал, что ты будешь собираться в дорогу. Куда ты вчера исчез, я искал тебя весь вечер?

– С дамой был, помнишь ли ты прекрасную графиню, что сидела напротив меня?

Филипп весело захохотал:

– А я уж думал, ты не попробуешь ни одной француженки! Собирай вещи, едем ко мне, весь багаж у меня дома, можешь отдохнуть у меня, куда тебе торопиться?

Но я хотел уехать до осенних штормов и распутицы, август кончался, неизвестно, как встретит Русь, какой погодой? Мы поехали в карете домой к Филиппу, по дороге я разглядывал дома, улицы и площади. После дворца большого впечатления не получил.

По французским меркам дом Филиппа был неплох – в два этажа, из пиленого камня, с дубовыми дверями. Сзади, за домом, был небольшой садик. В комнате в целости и сохранности лежала моя сумка с одеждой, в кожаных чехлах хранились ружья. Мы посидели, выпили вина, к которому я уже начал привыкать. Филипп вызвал слугу и отправил его с поручением.

– Каким путем ты будешь добираться назад?

– Думаю, так же, как и сюда, – морем до Иван – города, если повезет с русскими купцами, до Новгорода, а там как получится.

– Охрану бы нанял, сто золотых ливров, полученных тобой – сумма большая, можно купить морской корабль или имение во Франции. Разбой на дорогах процветает, если прознают про деньги – беда!

– Так пара охранников не убережет, случись серьезная передряга.

– Должен сказать тебе по секрету, со дня на день может начаться война с Испанией, войска уже идут к югу, на море стычки уже происходят, как бы не попасть на море в неприятности – захватят судно в плен или еще хуже – утопят, может, тебе поехать сушей? С немцами отношения хорошие, доедешь сушей до какого-либо немецкого порта – Киля или Данцига, а там, на Балтике, испанцев нет, да и с немцами они не воюют.

Я задумался, в его словах было рациональное зерно. Да, пожалуй, я так и сделаю, по суше через Германию до немецких портов, а далее морем.

Я поблагодарил Филиппа за совет, мы выпили еще прекрасного бургундского. На улице застучали подковы, послышался шум колес подъехавшего экипажа.

– Это за тобой, я послал слугу нанять для тебя экипаж, поскольку я еще не знал, куда ты поедешь, какой дорогой, с кучером пойдем договариваться вместе.

Мы вышли, у дома стояла большая карета, запряженная парой лошадей, кучер стоял подле. Толстый, солидный дядька с длинными усами, красные щеки и нос с прожилками выдавали любителя выпить. Филипп стал договариваться, конечной целью определили Любек – один из оживленных портов Ганзейского союза, там часто бывали и русские корабли. Филипп

начал сговариваться о цене, бурно жестикулируя руками. Наконец он подошел ко мне, спросил, есть ли у меня еще какие-либо деньги, кроме золотых ливров короля. Я поинтересовался, а какие нужны? У меня были с собой из Москвы.

– Я договорился за два серебряных гульдена, один нужно отдать сейчас авансом.

Я отвернулся от кучера, развязал поясной кошель, высыпал на руку горсть серебряных монет. Филипп выбрал одну и вручил ее кучеру. Слуга тем временем снес к экипажу мои вещи. Кучер взобрался на облучок и поинтересовался, будет ли охрана. Получив отрицательный ответ, неодобрительно покрутил головой, вытащил из-под облучка здоровенный короткоствольный мушкетон. Елки-палки, да это же чуть не маленькая пушка. Довольный производственным впечатлением, сунул его назад и что-то проговорил по-французски. Филипп перевел – заднее окно кареты опускается, если господин имеет ружье – он покосился на ружейные чехлы, то может стрелять через окно. Ну что же, хорошо, что предупредил. Пока слуга затаскивал в экипаж вещи, коих и было немного, мы дружески обнялись с Филиппом, похлопывая друг друга по спинам. Прошедшие приключения и дальняя дорога нас сблизили, было бы неплохо, если бы Филипп вернулся в Москву, но увы. Филипп даже всплакнул, утерев глаза кружевным платочком. Я сел в экипаж, и мы тронулись. Какое-то время в заднее окошко я видел его фигуру, махавшую мне рукой. Сначала я разглядывал проплывавшие мимо дома, потом пошли окраины, и я решил заняться оружием. Достал из чехлов, почистил и зарядил штуцер и мушкет, затем оба пистолета. Шпага лежала в ножнах, я вытащил ее, полюбовался блеском отличной стали и со вздохом убрал назад в ножны. Пользоваться ею я не умел, так же как и другим холодным оружием, так, научился немного махать саблей, но с опытным фехтовальщиком мне долго не продержаться. Укачиваемый в подрессоренной карете, сидя на мягких сиденьях, обитых кожей, я задремал. Проснулся от того, что остановились. Мы стояли у постоялого двора, кучер знаками показал, что надо кормить лошадей и кушать самим, и показал рукой на постоялый двор. Я вошел, трапезная была пустынна, или время не обеденное, или место неудачное выбрано. Подошедшему хозяину я жестами объяснил, что хочу курицу и вина. Все было быстро принесено, мы с кучером разделили трапезу, а поскольку из кухни восхитительно пахло пирогами, взял с собой в дорогу парочку пирогов со сладкой начинкой и бутылку вина. Кучер покосился на бутылку, сел на облучок, и мы снова тронулись. Дороги были грунтовые, пыль летела из-под колес, и хотя был небольшой боковой ветер, пыль набивалась в карету, садилась на волосы и одежду. Пожалуй, кучер был в лучшем положении на свежем воздухе. Миновали несколько деревень и небольшой городок. Какое-то седьмое чувство заставило меня насторожиться, обернуться, посмотреть в окошечко. Нас догоняли четыре всадника, меж тем наши лошади уже подустали, вряд ли мы оторвемся ходом. Я расчехлил оружие, и когда в клубах пыли появился просвет, опустил откидное окно, высунул ствол, прицелился и выстрелил. Один всадник упал, но остальные прищипорили лошадей и стали приближаться. Я слышал, как кучер погонял усталых лошадей, пытаюсь уйти с лесной дороги, экипаж кидало на корнях деревьев и ухабах. Времени перезарядить штуцер не было, я взял мушкет.

Теперь главное – не выстрелить раньше срока. Мушкет заряжен картечью, максимум пятьдесят метров хорошего выстрела.

Всадники, не встречая огня, быстро приближались. Я прицелился, выстрел, один упал с лошади, второй безжизненно свесился с седла, но лошадь продолжала скакать. Оставался еще один. Видно, сильно обозленный потерей товарищей, он не отставал, медленно приближаясь. Я высунул в окно пистолет, прицелился и выстрелил, но в это время карету сильно качнуло, и я увидел, что пуля срезала несколько веток в стороне. Не беда, есть еще пистолет. Я отбросил на сиденье разряженный и взял готовый к стрельбе. Лицо догонявшего было скрыто под полумаской, в правой руке он сжимал шпагу, за поясом виделась рукоять пистолета. Кони устали, стали хрипеть. Кучер что-то прокричал по-французски, понять бы еще что? Я понимал, что еще минута-две такой скачки, и наши кони встанут, разбойники же были на свежих лошадях.

Сейчас помог бы мушкет, но он разряжен, кучер же был занят управлением лошадьми и помочь не мог. Вот до всадника осталось не более десяти метров, я прицелился в середину груди. Даже если у него одета под одежду кольчуга или панцирь, удар будет такой, что его просто вышибет из седла. Выстрел! Но мерзавец в последний миг резко наклонился, опершись на одно стремя. Баланс сил теперь становился непредсказуем. У разбойника заряженный пистолет и шпага, у меня только шпага, которой я не умею владеть. Ну что же, выбора не было. Я достал шпагу из ножен, и в это время слева послышался звон стекла. Разбойник скакал уже рядом, ногой выбив окно. Я прижался к стене кареты, чтобы меня не было видно, и как только рука разбойника ухватила за край облучка, – вероятно, он хотел сразить кучера, я резким выпадом всадил шпагу в плечо. Он вскрикнул от боли и неожиданности и выронил свою шпагу, но не растерялся и левой рукой выхватил из-за пояса пистолет. Правая рука его повисла, как плеть, по рукаву обильно струилась кровь, поводья были отпущены, и лошадь скакала рядом с каретой. Я попытался уколоть его шпагой, но он увернулся. Стрелять в меня ему было несподручно, для этого необходимо было повернуться всем корпусом, а раненая рука сковывала движения. Кучер, видно, понял, что дела идут не очень хорошо, я давно не стрелял. Он вытащил из-под сиденья мушкетон, обернулся влево и, держа мушкетон одной правой рукой, выстрелил. Разбойника качнуло в седле, вероятно, все-таки зацепило. В ответ почти мгновенно он выстрелил в кучера. Несколько секунд ничего не происходило, затем лошади замедлили ход, и карета остановилась. Я пинком открыл правую дверь и, схватив шпагу, выскочил. Лошади стояли в пене, тяжело поводя боками, кучер, обмякнув, сидел на облучке, прислонившись спиной к стенке кареты и свесив голову. Сзади раздался шорох, я мгновенно обернулся и увидел противника. Молодой человек крепкого телосложения, по правой руке стекает кровь, на левой несколько кровавых пятнышек от дробы мушкетона, из которого стрелял кучер. Лицо его искажалось от ярости и боли, но настроен он был решительно. Как врач, я понимал, что долго ему не продержаться, скажется кровопотеря, лицо его было бледновато, но разбойник решительно шагнул вперед и взмахнул шпагой. Реакция у меня была неплохой, я успел присесть, и клинок пролетел у меня над головой. Похоже, левой рукой он владел неплохо, учитывая несколько дробин в ней. Я решил его измотать, перебежав на другую сторону кареты, разбойник последовал за мной, но не так резво. Ага, я выбрал правильную тактику, надо его погонять, пока кровопотеря его не обессилит. Я не давал ему приблизиться на расстояние удара шпагой, держа дистанцию метров пять, постоянно перемещаясь за деревья, карету, валуны. Разбойник на глазах слабел, его уже пошатывало, но решимость его не убывала. Если он не убьет меня, я убью его, и он это понимал. Наконец судьба дала мне удачный момент, француз запнулся о корень дерева и потерял равновесие. Я не сомневался ни мгновения, подскочив к нему, всадил шпагу в левый бок. Застонав, он упал, но какой живучий оказался: из положения лежа попытался уколоть меня своей шпагой в живот. Мне удалось отскочить, и, зайдя с другого бока, я ударил его шпагой прямо в сердце. Посучив ногами, разбойник затих. Я устало сел на пенек, переводя дыхание, посидев несколько минут, поднялся, обтер об одежду убитого шпагу и вложил в ножны. Залез в карету и трясущимися от пережитой схватки руками перезарядил все свое оружие, заткнув пистолеты за пояс. Кто его знает, не появится ли на дороге кто-либо еще, например дружки убитых разбойников, оставаться безоружным мне не хотелось. Теперь надо было выяснить, что с кучером, – жив он, если ранен, то насколько тяжело, убит ли. Когда я забрался на облучок и начал нащупывать пульс, кучер застонал. Жив, курилка! Я, как мог, осторожно спустил его на землю, стянул кафтан и осмотрел. Пуля разбойника раздробила ему плечевую кость, рука безжизненно болталась, неестественно изгибаясь выше локтевого сустава. Я бросился в карету, достал сумку с инструментами, первым делом влил ему в рот настойки опия, иначе болевой шок может его погубить, затем сходил в лес и наломал веток, чтобы наложить шину. Разрезав рукав рубашки, несколько расширил рану, извлек расплюснутую свинцовую пулю и крупные отломки кости, наложив веточки по размеру, как мог репозиционировал отломки кости,

наложил импровизированную шину. С большим трудом затащил в карету кучера и уложил его на сиденье. Щеки его были бледными, но пульс уже был приличным для такой тяжести ранения. Лошадь разбойника ускакала, теперь надо было заняться убитым. Я обшарил карманы, в которых нашел пару золотых монет, сунул их в карман, чтобы затем отдать кучеру на лечение. Какое-то время работать он не сможет. Осмотрев шпагу разбойника, нашел ее довольно хорошего качества и, обтерев, сунул в ножны, отстегнутые с пояса убитого. Пистолет был старый, уже тронутый ржавчиной, интереса для меня не представлял, но поскольку железо было довольно дорого, сунул вместе с мушкетом кучера под сиденье облучка. Осмотрел место схватки. Если бы не убитый, то ничего бы и не говорило о поединке. Убитого решил не хоронить и не брать в карету. Найдут разбойники — похоронят, найдут волки или шакалы — кроме черепа, ничего не останется, увидят честные люди — порадуются, что одним мерзавцем стало меньше, маску с лица я не снял, а честный человек лицо не укрывает.

Сев на облучок, тронул вожжи, немного отдохнувшие лошади медленно поплелись по дороге. Через пару километров показалась деревня с небольшой церковью почти в центре. Туда я и направил лошадей, остановив их на небольшой площади. Вокруг меня собралась небольшая толпа местных жителей. Я спрыгнул с облучка, отворил дверцу кареты, жестом подозвал двух местных, похоже, крестьян. Они с опаской заглянули внутрь, увидели кучера с пятнами крови и о чем-то заговорили с жителями. Раненый застонал, и я показал, что его надо вынести и отнести в дом. Кучера вынесли и положили на землю, подстелив какую-то дерюжку. К нам подошел из церкви кюре или пастор, кто его разберет, в сутане с белым воротничком, бегло осмотрел кучера, что-то проговорил. Двое местных бросились в глубь деревни, а раненого, взяв дерюжку за концы, перенесли в ближайший дом. Я стоял на площади рядом с каретой в одиночестве и решал, что же мне делать. Мои размышления прервал появившийся жандарм. Здоровенный детина в форме, с саблей на боку, утирая грязным платком вспотевший лоб, спрашивал меня по-французски. Я ничего не понимал и, лишь указав на себя пальцем, несколько раз повторил: — Руссо, Московия.

Жандарм сходил за священником, тот попытался говорить со мной на польском. Отдельные слова я улавливал, медленно, чтобы он меня понял, я рассказал, что москвит, приезжал в Париж по просьбе короля. Возвращаясь назад, подвергся нападению разбойников, один из которых — убитый и лежит в лесу недалеко отсюда. В доказательство я вытащил свои дорожные бумаги и предъявил. Жандарм с интересом их посмотрел, но, по-моему, ничего не понял, так как читать не умел, но, как и всякого служивого, бумаги с печатями на сургуче его успокоили. Он ушел, но через несколько минут проскакал верхом, направляясь по дороге в лес, где произошла стычка. Я опять остался один. Немного потоптавшись, сел в карету, ожидая, чем это все кончится. Где-то через час прискакал жандарм, вокруг которого собрались местные жители, вышел кюре. Жандарм рассказал, что в лесу лежит убитый известный разбойник, которого давно разыскивают за многочисленные преступления, кюре подтвердил его рассказ, объяснив, что раненый пришел в сознание и смог рассказать о нападении. От толпы отделились несколько человек, завели лошадей и карету во двор, где лежал раненый, туда же пошел и я. Как мог, я постарался поговорить со священником, стараясь объяснить ему, что мне надо ехать дальше. Он лишь мотал головой, показывая жестами, что надо спать. И в самом деле, я за всеми перипетиями не заметил, что солнце уже садится, скоро стемнеет. Мне постелили постель, я перетащил сумку с деньгами и оружием к себе в комнату. Вошла хозяйка и пригласила за собой. За столом сидела многочисленная семья хозяина дома. Меня усадили, и я раздел с ними скудную трапезу.

Утром я пошел к священнику, только с ним я мог хоть как-то изъясняться. Он повторял только одно «ждать». Ну что же, будем ждать. Пока нечего было делать, я навещал раненого. Состояние его улучшилось, он был в сознании, но бледен. Здоровой правой рукой он пожал

мне руку, что-то говоря. Я достал серебряный гульден и, хотя кучер пытался протестовать, вложил ему в руку. Мне показалось, что он его заслужил.

С улицы донеслись стук копыт и шум колес. Я вышел и увидел небольшую карету, запряженную одной лошастью. Из церкви вышел священник и объяснил, что дальше меня повезет эта карета, лучшего в ближайшем городке не нашлось. Оказалось, вечером он отправил своего прихожанина в соседний городок, чтобы найти мне новое средство передвижения. Я с чувством пожал ему руку, поняв теперь, что означало его «ждать».

Перегрузив вещи в карету, мы тронулись в путь. Молодой кучер во все горло распевал песни, ничуть не заботясь, нравится ли это мне. Без приключений мы добрались до Любека, кучер подъехал к порту, выгрузил мои вещи, и я расплатился. Я отнес вещи в припортовый постоянный двор и снял там комнату, заодно хорошо пообедал. Теперь надо было искать корабль в нужную сторону. Двинулся на пристань, пытаюсь по очертанию кораблей узнать русский. Вот что-то похожее на большой морской ушкуй, с кормовой надстройкой. Подойдя, я окликнул матроса. Тот действительно оказался русским. К сожалению, они пришли только вчера, дня два-три уйдет на разгрузку, затем пойдут грузиться в другой порт.

– С той стороны пирса стоит русский купец, вчера они грузились, наверное, сегодня будут отходить.

Поблагодарив, я пошел к указанному судну. И в самом деле, у пирса стояла пузатая торговая шхуна новгородского купца, который согласился меня взять до Новгорода за два серебряных рубля, если без харча, и за три со столованием.

Деньги ему я отсчитал сразу, попросив для переноса вещей пару матросов. За пять медяков вещи были перенесены на корабль в отведенную мне маленькую каюту, и, перекрестившись, купец приказал отчаливать. В портовой гавани сновали корабли, мы медленно, на одном носовом парусе выбрались из гавани и оказались в открытом море. Были подняты все паруса, и шхуна бодро устремилась на восток. Я постоял немного на палубе, но, утомленный долгой ездой в карете, решил пойти в каюту отдохнуть. Проснулся от стука в дверь, меня приглашали к ужину. На палубе сидела вся команда. Посередине стоял котел с кулешом, лежал нарезанный хлеб. Мы поели, затем купец меня стал расспрашивать – кто я и откуда, какие где цены. Поскольку цен на товары я не знал, слегка раздосадованный купец отошел. На судне были спущены все паруса, лишь горел светильник на мачте, и на носу ходил вахтенный. Команда улеглась спать, и я последовал их примеру. Утро оказалось не таким радостным, я услышал торопливую беготню матросов на палубе, возбужденные разговоры. Быстро оделся и выскочил из каюты. Невдалеке от нас, в паре кабельтовых, покачивался на волнах громадный военный корабль с несколькими рядами пушечных портов на борту, на корме реял шведский флаг. Капитан вглядывался в судно, пытаюсь понять, какого черта им от нас надо. Когда он уходил из Новгорода, Швеция с Россией не воевала, на пиратов наша пузатая торговая шхуна никак не походила, но ведь просто так военный корабль стоять не будет. Отбиться от него двумя скромными пушечками нечего и думать. У него с одного борта я успел насчитать шестьдесят портов. Залпа половины из больших пушек на такой короткой дистанции хватит, чтобы от шхуны остались мелкие щепки. Оставалось ждать. От фрегата отвалила шлюпка и направилась к нам. Несколько матросов гребли, были видны два офицера в белой униформе. Шлюпка подошла, стукнулась о борт. Купец распорядился сбросить веревочный трап. На борт взобрались два морских офицера, в белой униформе, в шляпах с перьями, в высоких ботфортах. Поправив одежду, на русском спросили:

– Кто капитан, каков груз, откуда и куда следуете?

Купец вышел вперед:

– Следует из Любека в Новгород, груз – железо в криницах и железные изделия.

– Мы должны досмотреть судно, по сообщению шведских властей, вы перевозили в Любек товары, не заплатив пошлины!

Купец начал возмущаться, пытаясь что-то доказать, но его никто не слушал. Один из офицеров дунул в свисток, болтавшийся до того на шее на цепочке, на шхуну полезли матросы со шлюпки. Один встал у руля, двое других согнали команду на нос судна, офицер помахал шляпой фрегату. Матросы распустили паруса, и мы двинулись за фрегатом в кильватере. К вечеру, когда мы уже продрогли на ветру, показался шведский берег. Фрегат подошел к пирсу, мы встали следом. На борт были брошены сходни, взойшла команда портовой охраны, нас согнали на берег, не позволив взять даже личные вещи. Под конвоем из четырех вооруженных солдат нас отвели в портовую тюрьму, располагавшуюся неподалеку, и заперли в одной общей камере. Все устало повалились на грязную, сопревшую солому, в углу пищали и возились крысы, хотелось пить и есть. Я придвинулся к купцу, свет еле проникал через маленькое зарешеченное оконце, солнце уже садилось, и с каждой минутой в камере становилось темнее. Я обратился к купцу:

– Слышь, Гриша, за что нас, как долго мы будем здесь сидеть?

– Вины за собой я не знаю, а сколько будем сидеть – одному богу известно. Придется ждать суда, раньше нас не отпустят. Хорошо еще, если судно и товар не конфискуют, завсегда swei русских купцов обижали.

Я переварил услышанное и решил спать, в моем положении ничего более не оставалось.

Утром купца увели, затем поодиночке стали вызывать членов команды. Меня вызвали в последнюю очередь. В маленькой комнате за столом сидели в камзолах двое важных господ. В руках у них я увидел свои подорожные документы:

– Кто вы, с какой целью находитесь на судне?

– Я лекарь из Московии, мое имя Кожин, на судне нахожусь пассажиром, направляюсь из Франции домой, в Москву. Мне хотелось бы знать, на каком основании я задержан? Документы мои в порядке, к судну я никакого отношения не имею.

Шведы о чем-то переговорили на своем языке:

– Будете находиться вместе с командой на общих правах до решения суда.

– А в чем моя вина?

Но слушать меня никто не стал. Надзиратель грубо толкнул в плечо и отвел в камеру. И это у них, блин, правосудие?

Вся команда уже была в камере, не хватало лишь купца, который как владелец был и капитаном. Его под руки притащили позже, был он избит. Как мог, я попытался оказать помощь. Еды снова не давали, но принесли в большом кувшине воды, все напились, я смочил купцу повязки.

– Гриша, что они хотели?

Купец, застонав, повернулся на бок.

– Хотят, чтобы я признал вину, якобы беспощинно возил воск и меха в Ганзейский союз.

– А если заставят признаться?

– Судно и груз конфискуют в королевскую казну, команду отправят на галеры или на каторгу.

Такой оборот меня не устраивал. Надо было что-то придумывать. Осмотрев решетку на оконце и стены, понял, что отсюда, кроме как через дверь не выбраться.

Я придвинулся к купцу:

– Гриша, а суд может нас признать невиновными и отпустить?

Купец долго молчал, я даже подумал, что он не услышал вопроса:

– Это вряд ли.

Такой ответ еще более укрепил меня во мнении, что отсюда надо бежать.

– Гриша, бежать отсюда надо!

Купец лишь усмехнулся разбитыми губами:

– А как?

– Да на нашем же судне.

– До судна еще добраться надо, а там охрана, да даже если уйдем из порта, фрегат догонит, он значительно быстрее.

Я надолго задумался. Да, препятствий много, но каторжный труд на серебряных копиях короля Густава меня не прельщал. Я зашептал Григорию в ухо:

– Кто из твоих ребят может держать язык за зубами и силушкой не обижен?

Купец даже не задумался:

– Федор Карасев и Онуфрий Оглобля.

– Позови их к нам!

Я боялся посвятить в свой план всю команду – вдруг шведы попытаются маленько вздумают, не всякий язык удержать сумеет. Пока нас не развели по разным камерам, или не заковали в кандалы, или еще что-нибудь такое же мерзопакостное не сделали, я решил действовать. Объяснил Федору и Онуфрию задачу, начал стучать в дверь. Долго ничего не происходило, затем в коридоре послышались шаги, открылось окошечко в двери. Надзиратель что-то спросил на шведском. Я бойко затараторил на русском, показывая рукой в глубь камеры. Сработает ли моя уловка? Окошко закрылось, загромыхали ключи, дверь в камеру приоткрылась, и высунулась рука с масляным светильником. Федор тут же ухватился за руку и резко втащил стражника внутрь. Тот и пикнуть не успел, как Онуфрий тряпкой заткнул его рот. К сожалению, никакого оружия у него при себе не было, лишь связка ключей. Я стащил с него форменную одежду и надел поверх своей. Поскольку стражник был ростом высок, как и все шведы, одежда пришлась впору. Было неприятно натягивать на себя чужую, пахнущую чем-то кислым одежду, но выбора не было. Шведа связали и бросили в углу.

– Кто-нибудь говорит по-местному? – обратился я к команде.

Один из матросов сказал, что немного умеет.

– Выясни у него – где и сколько охраны в тюрьме.

Матрос залопотал по-шведски. Кляп изо рта мы вытаскивать побоялись – швед с перепугу мог закричать. Стражник пальцами показал – двое. Итак, не все плохо. Времени терять было нельзя, если все пойдет как надо, побег обнаружат утром, когда придет смена.

Я вышел в коридор и направился к выходу, за мной тихо крались Федор и Онуфрий, остальные сидели в камере. Подошли к караульному помещению, оно слабо освещалось масляной плошкой, на столе стоял кувшин с вином, двое стражников в расслабленных позах сидели на лавках. Дисциплина явно хромала. Я опустил голову, стараясь, чтобы свет не попадал на лицо – может, на мгновение это собьет стражников с толку. Где находится оружие, я не знал, хуже, если под рукой у тюремщиков. Обернувшись, сделал знак Федору и Онуфрию – быть наготове, не спеша открыл дверь, позвякивая связкой ключей на пальце. Один из стражей поднял голову, и, пока он не успел меня разглядеть, я обрушил кулак с зажатými ключами ему на голову. Ворвавшиеся следом за мной мои сокамерники быстро скрутили второго. Связав им руки и ноги поясными ремнями, заткнули рты их одеждой и, не церемонясь, отволокли в камеру. Моряки с нетерпением ожидали нас. Я приказал не шуметь и тихо идти к выходу. Дверь на всякий случай в нашу бывшую камеру запер. С ключами в руке пошел к выходу, где уже стояли все наши. В караулке мы нашли две алебарды и три короткие сабли, больше похожие на абордажные, невелик арсенал. Но это лучше, чем голые руки. Хорошо, что нас разместили в припортовой тюрьме – охрана слабая, да и до судна добираться недалеко. Было бы хуже, если бы нас заперли в городской тюрьме, – охрана была бы больше, и попробуй найти дорогу в ночном городе. Мы медленно продвигались среди портовых построек и складов, пытаюсь не шуметь и не привлекать внимания. Вот и наше судно, у сходней стоит охранник, и неизвестно, сколько их на шхуне и есть ли они. До стоящего у пирса фрегата метров семьдесят, шуметь нельзя, тревога поднимется мгновенно. Даже если на фрегате часть команды на берегу, оставшихся с лихвой хватит, чтобы порубить нас в капусту. Поскольку я был в чужой форме,

решил идти сам. Сунул в рукав нож, Федору сказал незаметно подобраться сбоку от охранника и в нужный момент отвлечь внимание – бросить камень в воду или кашлянуть. Онуфрий должен был идти передо мной. Со стороны это могло выглядеть, как будто я сопровождаю задержанного. Все бы хорошо, но не думаю, что арестованных водят по ночам. Расчет только на некоторую растерянность охранника, хотя бы минутную. Вся оставшаяся часть команды шхуны спряталась в тени портового склада. Ну, пора, Федор уже минут двадцать, как уполз, и должен быть на месте. Мы с Онуфрием вышли из-за пакгауза и, не торопясь, направились к нашей шхуне. Когда до охранника осталось несколько метров, он что-то спросил. Я сделал вид, что закашлялся, но шагал по-прежнему. Охраннику мое молчание явно не понравилось. Он начал шарить по поясу, явно пытаясь вытащить из ножен палаш. В это время очень кстати подал о себе знать Федор – в воду рядом со шхуной свалился какой-то крупный предмет. Охранник инстинктивно обернулся на шум, я рванулся вперед и всадил ему нож прямо в сердце, одновременно зажимая рот рукой. Подскочивший Онуфрий подхватил его за ноги, и мы живо затолкали убитого в щель между бочками, стоявшими на пирсе. Уже втроем с присоединившимся Федором, который взял палаш убитого в руку, мы осторожно поднялись на нашу шхуну. Поскольку матросы знали корабль лучше меня, они пошли первыми. Даже в темноте они хорошо ориентировались в закоулках шхуны. Мы быстро обшарили весь корабль – пусто, никого. Я распорядился, чтобы Онуфрий тихонько привел на судно всю команду. Сам прошел в свою каюту – все вещи, оружие, даже деньги были на месте, вероятно, до решения суда. Я осмотрел свои пистолеты, они оказались заряжены, и сунул их за пояс. На палубе послышались шарканье подошв, тихое чертыхание – команда пришла. Распорядившись, чтобы люди зашли в трюм и не высовывались, мы уединились с купцом Григорием, Федором и Онуфрием в небольшой капитанской каюте. Поскольку инициатива побега исходила от меня и пока все шло, как надо, я невольно стал лидером, и команда, даже купец, мне безоговорочно подчинялась. Я решил держать совет – что можно предпринять, чтобы задержать фрегат в порту. Нам надо выиграть хотя бы сутки. Поскольку я человек сугубо сухопутный, мне необходимо было выслушать мнение моряков. Еще сидя в тюрьме, я наметил три варианта, как задержать фрегат. Первый – взорвать крюйт – камеру, где хранится порох для орудий, но для этого надо проникнуть на фрегат, что уже непросто, к тому же у артиллерийских погребов наверняка стоит вооруженная охрана. План отвергли сразу. Вторым вариантом было привязать под водой канатом перо руля к кнехту на пирсе. На мой взгляд, вариант был хорош, но моряки отвергли его сразу – фрегат, как и любое парусное судно, отходит от стенки медленно, инерция судна мала, руль вряд ли сломается – балка очень толстая, к тому же из дуба. Канат просто перерубят, это вызовет задержку всего на несколько минут. Этот вариант тоже отвергли. У меня оставалась последняя надежда – я предложил набрать пороха в бочку, на плаву подвести ее под руль и взорвать. Порох для двух маленьких пушечек был, бочки на причале тоже, дело оставалось за запалом, не так-то просто поджечь запал, будучи в воде. Спичек или зажигалок ведь не было. Вдруг мелькнула мысль – а пистолет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.